

Стыд и плесень

Монологи посетительницы вечернего клуба анонимных алкоголиков

Валентина – 57 лет.

1

ВАЛЕНТИНА. Здравствуйте. Я Валя, анонимный алкоголик. Здравствуйте, да. Нет, не пью. В завязке. Уже две недели. О себе? Ну что. Я пенсионерка. Ещё? Боюсь сорваться. Последний случай? Водку пила. Водочку. Корвалол. Он на спирту. Потом неделю в себя приходила. Всё внутри трясётся. Сердце выскакивает. Красная рожа. Ладони потеют. Давление. Ещё поджелудочная, печень. Под капельницей лежала. В общем, нет здоровья пить. Нет здоровья. Но боюсь, вдруг опять запью. Понимаете, стресс. Да, стресс. Стресс. Сосед попался противный сверху. Меня терроризирует. Но не хочу об этом, а то опять давление. Сосед, в общем, козёл. Понимаете, есть такие люди – уроды. Есть такие люди. Козлы. Вообще, среди мужчин много таких попадается. Уродов. Козлов. Вы слышали, тут случай был: девушка нечаянно подрезала одного, так он потом её догонял и пять раз подрезал, она там чуть не поседела вся. Ещё орал на неё на светофорах, матом крыл. Мужчина девушку, да. Такие скоты попадают. Или про эту, альпинистку. Слышали? Эльвира, как её? Эльвира. Ну помните? Нет, не помните. Ну конечно, она же женщина. Мужиков-то все знают, а женщины, что. Насонова! Эльвира Насонова! Между прочим, единственная среди женщин-альпинистов снежный барс, трижды снежный барс. Одна в мире такая. А вы не знаете, конечно. Я читала её биографию запоем. Много раз перечитывала. Наизусть почти выучила. Это такая женщина блестящая была! Там случай такой был – её подруга разбилась, Иорданка Димитрова. На Эвересте. И тело осталось лежать на высоте семь тыщ метров. Невозможно было спустить его вниз, никакими способами. И тогда они решили взять с собой одного альпиниста – Божукова, потому что он на параплане летал. Хоть она знала, Эльвира, что он страшный человек. Он, ну про него знали недоброе. Вокруг него то разобьётся человек насмерть, то покалечится. Такая репутация чёрная. Но выхода не было, взяли.

И вот они вдвоём должны лететь за телом, утром рано. Он дал ей задание разложить параплан, а сам вдруг улетел на два часа, якобы там параплан вырубал. Прилетел, а уже погода другая, уже не утро, а им надо было утром лететь, самое благоприятное для полёта. Взлетели они только в два часа. Он привязал её как балласт, и рюкзак привязал между собой и ей. И расстояние между ними три метра. Она должна разогнаться и тянуть его, она разгоняется, но теряет равновесие и падает. Ударилась сильно головой и сознание потеряла. А он видел это, Божуков, мог погасить параплан, но не сделал это, представляете.

Она пришла в сознание в полёте. Видит – их несёт на скалы. Божуков орёт: «Развернись лицом к стене, толкайся ногами!» Она сделала так и снова сознание потеряла. Они приземляются, она без сознания, жёстко приземлилась. Несколько переломов у неё, изо рта кровь. На Божукове ни царапины. Снизу шли шерпы с носилками, слава богу. Они спасли. В лагере врач надел на неё маску кислородную, там же высокогорье. Божукову велели каждые три часа менять баллон на новый. Сука, он просто уснул. Эля чуть не задохнулась там. Потом прилетел вертолёт за ней, а он даже не стал её сопровождать ни в Катманду, ни в Москву. Сказал, что будет спасать свои парапланы, представляете? Свои парапланы будет спасать. Ей делали сложную операцию в Москве, четыре часа делали. Вся разбитая она была, думали – инвалид.

Потом другие парапланеристы сказали, что так не привязывают людей, что так привязывают только трупы или балласт. В вот мне непонятно: почему мы им доверяемся? Почему мы вам доверяемся, мужики? Сосед мой тоже: мой подъезд. Ты должна мыть подъезд. Я говорю: я не курю. Я говорю: ты, сука, окурки почему бросаешь на пол? Он говорит: я бросаю, а ты подбирай. Ты дежурная, подбирай. А я не буду. У нищих слуг нет, как мама говорила. Козлов много. Раз женщина – так мой их заплёванные подъезды. Сам бы взял и помыл! Сам бы окурки не бросал, не харкал! Сам бы!

О детстве? Зачем вам о детстве моём знать? Дети все хорошие. И что? Какой смысл? Ничего не помню. Не хочу о детстве. Вот лучше вы, мужчина, расскажите о своём детстве. Андрей? Ну, допустим. Просто вы так выглядите, Андрей, как будто вас в детстве много били. А может, и продолжают. Ха-ха! Да нет, что вы, я ничего не имела такого в виду. А вот вы, Никита, вас же Никита зовут? Кирилл? Неважно. Вот вы, Никита-Кирилл, воняете. Да, конкретно воняете. У вас вонючие ноги и дезодорантом не пользуетесь. Да, так. А вы, мужчина, похожи на вруна. Да, вы, вы, с усами. Мне кажется, вы врётё своей жене. Давайте вы не будете указывать что мне делать, и я не скажу куда вам идти. Давайте без давайте. Да что вы о себе возомнили, мужчины? Вы же ничего не слышите! Вы же не хотите нас слышать! У нас по подъезду бегала женщина и кричала, что её убивает муж, но никто не услышал же! Только бабушки. Хоть бы один из вас вышел и спросил бы её: что случилось. Что с вами? Почему вы такие трусливые? Почему такие слабые? Где ваши яйца, мужчины?

2

Когда мне было семь лет, я рассматривать глаза любила. Любые – свои, чужие. Там узоры, лучи. Два сквозных отверстия в мозг. Теперь мне пятьдесят семь. Каждое утро смотрю в зеркало. Ныряю в мозг.

Я надеваю пуховик и серую шапку, беру старую сумку из козлама, иду в супермаркет. Это главное событие моего дня. Супермаркет – такой маленький город. Люди там живут, иногда даже умирают, я сама видела. Останавливаюсь напротив стенда со свежими ягодами в крошечных корзиночках – малиной, красной смородиной, клубникой. Такие чудесные ягоды посреди русской зимы, как ювелирные они. Я незаметно беру одну ягоду и кладу в рот – мне нужны витамины, идите на хер.

Иду дальше. Вот отдел колбас. Их так много, что захватывает дух. Я люблю наблюдать за сырокопчёными, они белобородавчаты и волнисты, пахнут волнующе. Люди подходят к ним, мнут в руках, люди потеют. А я иду в рыбу. В витрине разложены аппетитные нарезки, белые и красные. Кажется, что эта, почти неприличная, нежность муксуна, осетрины, семги, лосося посылает тебе тонкие флюиды омега-6 ненасыщенных жирных кислот, так полезных для здоровья и красоты. Во как я сказала! Ха! Талант не пропьёшь! А, да, рыба. Очень дорого, мне не хватит пенсии.

Какая-то тонконогая в меховом жилете оттирает меня от витрины, тычет пальцем в рыбу. Тонконогой отвешивают солёную, и еще целого лосося. Роба у неё противная. Я кидаю ей в корзину фантик из-под конфеты. Пусть все думают, что она украли и сожрала «Ласточку». А я наберу новых. Их там россыпи, душистые россыпи, которые возвращают меня в детство, в Новый год, в чудо. Как я любила конфеты! Никогда не выбрасывала фантики, делала из них гирлянды. Как можно выбросить такую красоту - желто-розовая пестрота сменяется фиолетово-пурпурной и изумрудно-зеленой, переходит в васильковую крапинку и кофейно-белую тему с проблесками мишек и белок с орехами наперевес. Мужчина задумчиво стоит возле них, и за щекой у него лежит конфета. Здорово, брат. А вон какая-то пенсионерка тихо тырит лимонную карамель. Но нет, я так не буду. Какой смысл тырить карамель?

Я лучше возьму шоколадную «Ласточку», совсем чуть-чуть. Только аккуратно, всюду ходят охранники переодетые, никому нельзя верить.

Я беру «Ласточку» и замечаю какую-то облезлую Кармен. В её длинных спутанных волосах искусственные розы. Рыжие волосы – красные розы, и глаза обведены чёрным. А ещё юбка цыганская, и поеденный молью кролик шубы. Она моего возраста, эта Кармен. Я не хочу сходить с ума. Я нормальная. Я порядочная. Мне не стыдно за себя.

Выкладываю на ленту батон, макароны и упаковку сосисок.

- Сто тридцать семь рублей, - говорит кассирша.
- У меня пенсионное, - протягиваю корочки.
- Вместе со скидкой сто двадцать три, - говорит кассирша.

Молодая, но толстая. И волосы плохо крашены. И зубы плохие. Когда мне было семь лет, я называла таких тётками. Сейчас мне пятьдесят семь, и она годится мне в дочери.

3

Вчера сосед снова нахаркал возле моей двери. Как же это не по-мужски. Хотя, знаете, я уже не знаю, ЧТО по-мужски. Вот, допустим, едешь когда, и какая-то машина нагло подрезает, создаёт аварийную ситуацию на дороге. Так это всегда какой-нибудь мудака, не женщина. Они называют: мужской стиль вождения. Стиль вождения мудаков, а не мужчин. Часто это одно и то же. Нет, мне не хочется выпить после этого. Нет, это не провоцирующий фактор для меня, я не идиотка. Не надо придумывать за меня! Как же вы любите за всех всё решать, мужчины! Ляпнуть что-то, не доказывая, не объясняя. Безапелляционно так. Ладно, проехали. Тут все нервные да, понимаю. Все трезвые.

Вчера иду по улице. Прохожие смотрят сквозь меня. Иду, а они не видят меня. Если разденусь голая – будет так же, наверное – ну, может, пара человек вскинет удивлённо брови и всё. Сворачиваю во двор, мимо мусорных баков. Кот смотрит мне в глаза, я излучаю ему любовь и поддержку, он мяукает. Какой-то парень выбрасывает книги и уходит. Пушкин, Тургенев, Достоевский, так и знала. Теперь все такое выбрасывают. Ещё одна книга – «Думай». А внизу мелкими буквами «как принимать анаболики». Ладно, я подумаю. Возьму домой и подумаю.

Когда мне было семь лет, я прочитала «Всадник без головы». И пропала. Это была первая моя толстая книга, первая взрослая. Я хотела целоваться с этим Морисом Мустангером, с этим брюнетом. Он скакал по прериям, и я хотела с ним. И однажды встретила его, лет тридцать мне было. Такого же. Но он... Да что он, конечно. Не любил он меня. Они все мало любили меня. Вы вообще умеете любить, мужчины?

4

Мой обычный вечер. Мой обычный вечер такой, что хочется выпить. Квартира цвета пыли и воняет уксусом и луком. Она тусклая, и глушит, и душит. Я протираю пыль с телевизора, но изображение всё равно какое-то выцветшее. Это из-за квартиры. Я включаю «Страсть». Прибавляю «Страсть» на максимум.

- Любимая, я уезжаю в Сочи, - говорит кудрявый молодой цыган в шелковой красной рубашке.
- Ты не любишь меня, убегаешь от меня. Ну почему? – цыганка красиво поворачивается к камере, бежит жирная глицериновая слеза.
- Меня в армию забирают, - сверкает он белоснежными зубами.
- Убавь, не слышу ничё, орёт! – кричит из соседней комнаты Толик.

Протягиваю пульт к телевизору, немного убавляю звук, но только немного. Пусть он там порвётся от злости, этот Толик. Пусть он там разорвётся на мелкие клочки, покрытые плесенью.

Смотрю на кукольных цыган и звоню своей подруге Галке по домашнему телефону. Как хорошо, что есть домашний телефон. Всё хорошо слышно. Слышно, как Галя пыхтит в трубку – у неё давление и астма, но она курит.

- Алё, Галка! Привет-привет! Ну как ты?... Да как, как, как всегда. ... Ну да, да... Работу ишу, обзваниваю, ну... Да как всегда – до 45-ти... ну... Да ты что?

Замолкаю, слушаю трубку и бормотание телевизора. Цыгане там беснуются, и щедро бежит по щекам глицерин. Но мне очень нравится сочетание красного и фуксии на их юбках, поэтому смотрю. Как на моих афишах. На стене висят старые афиши моей родной музкомедии. Как хорошо сидеть вот так, перед телевизором. Слушать рассеянно Галку, жевать «Ласточку». Когда мне было семь, я сидела так с бабушкой, обвязанная её шалью, и она рассказывала мне про то, как молилась Колчаку, потому что Колчак вошел в деревню и порубал её первого мужа. Бил её очень муж. Косу наматывает на кулак и об лавки её прикладывает, об пол. Или пьяный напьётся и говорит: «Клади голову на порог – отрубать буду». И надо положить. А потом он топором замахивался и так замирал. Дети плачут, кричат. «Только для детей тебя, суку, жить оставляю,» - говорит ей. А Колчак вошел и его порубал. Уж как бабушка была счастлива, во всех записках за здоровье его поминала, Колчака.

Галка рассказывает про то, как ей продали гнилую морковь, да ещё обманули с деньгами, я мычу ей слова поддержки. Да ты сама дура, Галя, ты сама идиотка.

Показывают новости, за кадром голос:

- ...Коллектив художественной самодеятельности «Березка». Участники хора с успехом выступили для престарелых ветеранов нашего города в доме отдыха «Уют».

На экране – пенсионеры в русских сарафанах поют народную песню, на гармошке играет одноглазый баянист, видно сильно пьющий. Вперед выходит рыжая женщина. Та самая, которую я видела сегодня в супермаркете. С розами в волосах. Теперь она в линиялом сарафане. Она поёт народную песню. Чистый, кристальный голос. А у меня тоже красивый голос. Если зажмурить глаза, то по голосу мне можно дать тридцать. Вот если б ещё зубы вставить. И закрасить седину. Как вы считаете? Получится, как вы считаете?

5

Моя семья. У меня есть дочь. Её зовут Женя. Да, как вас её зовут, Женя. Только моложе она. У меня есть дочь. Ну и что? Она взрослая, давно живет отдельно. Вот что меня бесит, так это когда Женя сбрасывает мои звонки. Вот что меня бесит, так это когда я вижу в зеркале новый кариес. Вот что меня бесит, так это когда капает вода из крана. Вот что меня бесит, так это то что я живу на первом этаже и окна зарешечены.

- Женечка! Привет! ... Что? А! Ну ладно, перезвонишь. Когда?

Фиг она перезвонит. Фиг когда кончится зима. Фиг когда отрастут новые зубы. Я чищу их в ванной, зияют пустоты. Я помню тебя, мой четвертый слева. И тебя, мой пятый справа. Когда вы появились, я почувствовала себя взрослой. Когда вы появились, вы были такие белые и на века. А теперь вас нет со мной. И нет ваших фарфоровых клонов. Я захожу в спальню и ложусь в кровать. Рядом лежит Толик с запахом уксуса и лука. У него скорбное лицо. У него всегда скорбное лицо, как будто вечный запор. Толик переживает плесень внутри себя. Он не замечает меня. Кроссворд интереснее, чем я. Не говоря уже о плесени.

6

Вчера была в супермаркете. У них появился новый грузчик, надо же. Красивый такой, лет сорока. Чем-то на вас похож, Кирилл. Тащит ящик с рыбой. Подмигивает кому-то. Кому? Нет никого. Подмигивает ещё раз. Мне? Мне подмигиваешь? Да ладно! Эй, куда же вы, мужчина, подмигните ещё раз! Красивая спина. Может, у него нервный тик, поэтому подмигивает?

Я не заходила в алкоголь, нет. Взяла мороженого минтая и пошла в другой ряд, там, где шапки. Толик попросил купить ему. Что-то самое дешёвое, конечно. Куплю – и всё, на этом покупки одежды в этом месяце заканчиваются. Пенсия маленькая, да. Работу? А ты-то сам взял бы на работу пенсионерку, Андрей? Ну вот такую, например? Взял бы? Ну я приду к тебе завтра в офис. Страшно? Да ладно, успокойся, не приду.

Так вот, брожу я вчера по магазину своему. Два парня примеряют шапки молча и по очереди – и умирают от смеха, сгибаются пополам. Один померил ушанку – второй заржал, второй померил кепку – первый захрюкал. Взяла страшную, по двести. Акрил, скорее всего, ну ничего, поносит – не облезет. Немаркая. Посмотрела бюстгалтера. Мужчина какой-то перебирал трусы женские самозабвенно. Размер 56 взял и замер от восторга, пакостник. Трусы в ягоду какую-то, для старух. И колготки для старух, хэбэ. Были красивые – сочетание красного и малинового, взрыв! Но не взяла – всё равно никто не увидит. Вам-то всё равно. Я для вас алкоголик.

Пошла в чай-кофе. Там запах приятный. Мама любила нюхать, так и умерла, с кофейными зёрнами в руках. Попросила меня, я дала, она понюхала, улыбнулась – и умерла. Где ты теперь? Вчера снилась мне – я, говорит, живу в таком хорошем месте – берёзки прямо возле окна, воздух такой свежий. Родная моя, как хорошо, что воздух у тебя свежий. Так хорошо. Мама моя.

Я вижу надорванную пачку кофе, беру горсть зёрен себе в карман. Смотрит одна. Отвернитесь, девушка, думаю, мне стыдно. Я же не бесстыжая какая-нибудь тварь. А вот и он, в ряду с соками. Тот грузчик-красавчик. Отпивает томатный. Снова подмигивает мне. Вряд ли тик – он улыбается. Белые зубы. Не курит? Грузчик, который не курит. И кофе не пьёт, наверное. Красивый какой. На молодого Магомаева похож. Или на Мориса Мустангера. Всё-таки на вас, Кирилл, не очень он похож.

7

Вчера стою в рваном халате у окна в своей кухне, могла бы курить, но ем ворованную «Ласточку», запиваю ворованным кофе. Жалко, что не курю. Была бы ещё одна радость в жизни. Из крана капает. Из комнаты телевизор орёт. Смотрю в окно и вижу решётки. Если сделать усилие, то решетки отступают и видно серый двор, занесенный снегом, ржавые качели. Одинокая дворняга. Сколько капель капает в минуту? Хорошо, что у нас не стоит ещё счётчик.

Заходит Толик, тоже в рваном халате. Берет с подоконника одну мою «Ласточку» и молча выходит из кухни, паразит. Ни слова не говорит мне. А ведь плесень размножается от сладкого. Я звоню Жене. Женя, как всегда, не может говорить. Как всегда. Как всегда у нас сломаны стулья. Как всегда чуть не падаю. Как всегда, звоню по объявлению насчет работы. Надо же, они не против пенсионеров. Надо же. Завтра пойду на собеседование.

8

Кабинетик, кстати, как клетка – тесный и тоскливый. Сажу напротив красивого парня. Он широко улыбается. Зубы показывает, как волк. Волки тоже зубы

показывают. И я тоже улыбаюсь. Научилась так улыбаться, чтобы не показывать пустые места от зубов. Выходит немножко криво.

- Меня зовут Александр, - говорит, как давит.

Тут в дверь заглядывает какой-то парнишка пэтэушного вида, зовёт Александра курить, но Александр делает страшные глаза и пэтэушник исчезает. Шура, тебя папа называл Шурой и давал подзатыльник, наверняка. И сопли у тебя были зелёные. Александр просит рассказать немного о себе. Да я-то могу, мальчик, я-то могу. Я тебе такого понарасказываю, ты сикаться будешь по ночам. Что ты сидишь тут с пустыми глазами передо мной?

- Ну... я всю жизнь проработала гримером в театре музыкальной комедии, участвовала в создании таких спектаклей, как «Чио-чио-сан», «Летучая мышь», - рассказываю я ему.

Но он не замирает от восхищения. Он спрашивает про мои навыки продаж. Да что ты знаешь о моих навыках, мальчик? Я бы тебе показала, да не буду. Он достаёт какие-то приборчики.

- Наша фирма - представительство фонда «Жизнь без боли». Мы снабжаем некоторые категории граждан – люди военных лет, заслуженные ветераны труда, труженики тыла, инвалиды – мы их снабжаем физиотерапевтическим оборудованием, - говорит.

- А мне надо аппараты эти продавать?

- Это не аппараты, - говорит, - Аппарат – самогонный, летательный, а это медицинское оборудование.

А ну-ну, оборудование. Те же яйца, только в профиль. По-моему, какая-то наёбка. Тут я догадываюсь спросить, сколько же это стоит?

- Вообще, вы будете предлагать скидку, – говорит, - Ну к 8 марта там, к 9 мая, к Новому году, не знаю, к дню святого Валентина. Будете приходить в гости к бабушкам-дедушкам и рассказывать, что, мол, так он стоит 8 тысяч, но мы только сегодня делаем скидку 70% - и он стоит 2 тысячи.

Точно, наёбка. Но он хочет показать, как это работает. Он лезет к моему колену и немножко задирает юбку. Он хочет привязать это китайское говно к моему колену. Мальчик, не надо, не надо, мальчик! Эти колени не для китайского говна. Эти колени целовал ведущий тенор нашего театра, а потом он Цюрихе пел. Да что ты знаешь об этом. Я одергиваю юбку обратно. Он снова задирает. Он хочет мой сустав.

- Это очень эффективно! - говорит он, я не верю.

Он лезет. Лезет мне под юбку. Забытые ощущения. Я слегка отталкиваю его, он падает, хлюпик. Засунь себе эти приборы в жопу, хлюпик. И последнее, что слышу, выходя – корова. Корова – так корова, я не против.

9

Как вы хорошо выглядите, Кирилл. Всё-таки вы немножко похожи на Магомаева в молодости. Обожала его. Я тоже в сорок была ого-го ещё. Сейчас не то. Да ладно, что вы там мямлите. Ваше поколение не умеет говорить комплименты. Вчера стою перед зеркалом, рассматриваю себя. Если натянуть кожу на висках, то уголки глаз приподнимаются, и такое хитрое выражение лица сразу, и молодое. А отпустишь – и печаль. А если на скулах натянуть кожу – то приподнимаются уголки губ. И носогубная складка разглаживается. Вот же какой красивый череп у меня. Кость какая правильная. А всё мягкое отстало от костей и теперь лежит складками. Всё мягкое унылое. Вялое. Коллаген куда-то делся, и теперь планета Земля тянет мою кожу к себе гравитацией. Я умру и снова только череп, только правильное и твёрдое. Но потом и оно. Хотя, нет, я лучше кремируюсь. Экологичнее. Вы-то как? Будете кремироваться? Почему? Об этом надо думать заранее, а то зароят вас и не спросят. Ха-ха!

Толик оставил пасту незакрученную. Козёл. Сколько раз говорила. Я чищу его зубной щёткой унитаза иногда, тогда мне легче. Тогда я спокойнее как-то. Тогда хорошо.

10

Во вторник дико надушилась, Толик морщился. Я люблю иногда, знаете, надушиться насмерть и смотреть, как тётки плятятся возмущённо. Да, это моё пространство, и здесь будет пахнуть моими духами. Моими, а не вашими. Я есть, а вас нет.

И вот мы с Толиком едем в машине. У меня отличное настроение и «Ласточка» в кармане. Толик пыхтит и ругает кого-то курвой, а мне плевать, у меня «Ласточка» в кармане, и осталась ещё тушь для ресниц, и я накрасила губы красной помадой. Я всегда красила губы красной помадой раньше, он помнит. Не Толик, нет. Мы приезжаем, я набираю домофон и отвечаю ему сладко и так из низа живота:

- Это я!

Хочу, чтобы у него была эрекция на мой голос, как раньше. Раньше всегда у него вставал. У меня красивый голос, да. Выхожу из лифта, и он открывает дверь – весь в белом! И с красными узорами под хохлому. Ему идёт. Только растолстел немного.

- Ну, привет, Андрюша!

Главное, улыбаться аккуратно, чтобы не видно было... Я поворачиваюсь к нему спиной, чтобы снял пальто, но он не замечает, он смотрится в зеркало, натягивает виски, чтобы сделать глаза веселее. Эх, ну что же ты, Андрей? И ты тоже? Я сама снимаю пальто и смотрю в зеркало на него. А он смотрит на свой живот.

- Ну что, как жизнь молодая? Как тебе с твоими клиентами?

- Клиент спокойный, - говорит, - Это тебе не музыкальная комедия.

Андрюша работает на кладбище. А я надела сегодня декольте. Всю жизнь носила малые лифчики, чтобы грудь выпирала. Толика я оставила в машине.

- Хочешь, я устрою его к себе? – спрашивает Андрюша.

- Нет, - говорю, - он не может, писается от страха. У него же песок в мочеточник спускается, врачи говорят, надо операцию.

Тут мы идём в спальню. А квартира у него отпад. В стиле рококо-барокко, как я говорю. Люстры как в Эрмитаже. Обои с перламутровыми цветами и узорами. Позолоченные ручки на дверях. Тройной ряд штор. Золотые статуэтки голые – говорит, это нимфы, не знаю. И он позвал меня в спальню. Да-да-да! А там золотое покрывало на кровати. И матрас дорогой – жопой чувствую. А он открывает зеркальный шкаф и выбрасывает оттуда вещи на кровать. Свитер, новый почти, только локоть продрался, шерсть стопроцентная, меринос. Брюки, большеваты, ну ничего, пойдёт. Блин, дублёнка! Почти новая! Года три всего, говорит Андрюша. Спасибо! Спасибо тебе, благодетель! Толика одену с ног до головы. Толик обалдеет! И я, набравшись духу, говорю:

- Я тут хотела спросить у тебя... Ты мне денег не займешь? Тут зубы надо делать, понимаешь, а в беседе только на металл дают, а что я - бомж?

Но не прокатило. Он скис, и забубнил, что я ему ещё те три тыщи не отдала. Всегда скупердай был, даже когда мы жили вместе.

- Мы как-то друг друга понимали раньше, помнишь? - говорю ему.

- Давай не будем, - говорит.

- Ну давай, давай. Женька-то звонит? - спрашиваю.

- Звонит, конечно, когда деньги нужны.

А с меня что взять? Я на кладбище не работаю. Я пенсию получаю. Получать пенсию стыдно. Быть бедной и беззубой стыдно.

Андрюше кто-то звонит, и он мяукает в телефон. Кажется, это какая-то студентка. Фу, спугался со студенткой. Да и всегда ему молодые нравились. До свидания, Андрей. Я оставляю на тумбочке кулёк с домашним печеньем. Привет от бывшей жены.

11

Вот у твоей жены, Женя, какие ноги? Я понимаю, что обычные. Кривые? Ты прости, что я тебя тогда назвала вруном. Ты же не врешь своей жене? Ну, про ноги ладно, если они кривые, то ври дальше, конечно. Молодец, что сейчас не соврал.

Всю жизнь хотела тонкие ноги. Тонкие длинные ноги. Но у меня их не было. Вся жизнь пошла бы моя не так, если бы. Если бы, если бы. Если бы рост и ноги. И чтобы ровные. И грудь. Могла бы в цирке выступать. Закрутила тогда роман с дрессировщиком цирковым. Как его? Боря? Ну пусть Боря. А он голубей дрессировал. И говорит: будешь со мной выступать. Я обрадовалась, конечно. Платье начала шить. А его сестры напели ему: да она низенькая, да у неё ножки колясиком, кривые. Да она тебе номер испортит. И всё, не взял он меня. А если бы ноги! Сейчас они стали худые. Но зато руки толстые, живот, спина. Талии нет совсем. Жопа куда-то делась, ссохлась. Старость. Вчера разделась догола и смотрю на себя в зеркало. Заходит Толик в дублёрке моего бывшего мужа.

- А мы будем когда-нибудь сексом заниматься, Толик? Мы в этом году еще не занимались. И прошлом только раз.

- С ума сошла? - говорит Толик, - Посмотри, рукава длинноваты.

Он рассматривает себя в зеркале. Я невидимка. Я не отражаюсь. Меня нет.

- Теперь до смерти хватит, - говорит Толик и смотрит себе в глаза скорбно.

Если ты первый умрёшь, я закажу тебе самый дешёвый памятник без фотографии, дорогой. Зарою тебя в землю где-нибудь рядом с бомжом. И мне не стыдно за это.

12

Самое тоскливое в моей жизни – это утро. Зима, мороз, серое утро сквозь решётки на окнах. И некуда идти и нечего делать. Стою в ночной рубашке возле окна и жую «Ласточку». Не умывалась и не чистила зубы. Потому что незачем. Из крана капает вода. Прямо на гору грязной посуды. В спальне Толик смотрит телевизор. Притопал на кухню. Пьёт уксус. Толик каждый день пьёт уксус, и ест чеснок и лук. От него страшно воняет, вся квартира провоняла насквозь. Толик лечит плесень. В человеке может жить плесень, сказали по телевизору. И теперь Толик её выводит. Выжигает. У него желтеют глаза и краснеет кожа, но плесень уходит. Толик считает, что уходит. Мне кажется, надо пройтись Доместосом, чтобы уж наверняка. Чтобы уж точно вывести всю. Потому что стыдно быть человеком и носить в себе плесень. Стыдно быть человеком со всей этой физиологией. Моя мама мылась десять раз в день и бесконечно стирала. Постепенно из неё вышел весь цвет, а запаха никогда и не было. Волосы и глаза стали бесцветные, кожа прозрачная. От неё пахло только мылом, а дома только хлоркой. Однажды я приготовила жирный плов и стала есть его руками при маме, так, чтобы рис валялся вокруг и, знаешь, жир бежал по ладони. У мамы поднялась температура. А я была счастлива. Жирными руками я растрепала её прилизанные серые волосы.

13

А вы приятно пахнете сегодня, Андрей. А я тоже приду в следующий раз в духах, ждите. В хороших духах. У меня был раньше «Ноктюрн», такая синяя коробочка. Берегла. Женька маленькая была и вылила всё на кукол, играла.

Вчера захожу в спальню – орёт телевизор голосом рекламы. Я беру шкатулку с украшениями и выгребаю оттуда всё золото. Улыбаюсь широко, показывая все дыры. Всё будет хорошо. Всё будет хорошо у меня. Я пошла в «Ювелирную мечту», там скупка золота. Продавец с постной рожей, а неважно. Молча взвесил. Такое сверкающее кольцо, его выложили в форме сердца и дали много света. Заблестит и алюминий с бутылочным стеклом. Деньги. Он дал мне денег. Так много денег. Так много счастья. Нет, я не буду покупать алкоголь. У меня другие планы.

14

Как вам моё платье? А смотрите сзади. Да, такое платье с открытой спиной, да, ха-ха-ха! Спасибо! Ха-ха-ха! Вы тоже ничего! Ой, ну не смущайте меня! Купила в одном магазине, никогда раньше не была. Там висели разные, но я представила, как кто-то кладёт тёплую ладонь мне на спину. Я купила его из-за ладони. А потом пошла в парикмахерскую, видите. Меня покрасили и постригли. Спасибо! Спасибо-спасибо! Мне очень приятно, Андрей! Спасибо, Кирилл! Мерси! И я так вытасила деньги, как будто каждый день так вытаскиваю. Так вытасила их немножко равнодушно. И расплатилась.

А Толик дома смотрит телевизор.

- Так ты ж говорила, золото – на похороны, - говорит.

Я улыбаюсь. Я так счастлива. Я такая красивая, меня не касаются мелкие слова.

- А на что я тебя хоронить буду? – спрашивает.

- Я собираюсь жить вечно, дорогой мой, буду жить вечно. Как плесень. Синяя плесень.

15

Я сегодня можно помолчу? Хочу помолчать. Не знаю, не хочу говорить. Выпить? Да, хочется выпить. Много чувств теснится. Я очень счастлива. Не хочу говорить.

16

Вот ты, Андрей, говоришь, что хочешь выпить от одиночества. А я теперь не одинокая, но выпить хочу. Ну хорошо, расскажу. Меня распирает. Даже не знаю, какие слова выбрать.

Пуховик мой лежит свёрнутый в тележке, и все видят мою голую спину в синем платье. Все кидаются от картошки к майонезу, и только я здесь как королева, смотрю из-под ресниц. И улыбаюсь. Улыбаюсь и мне улыбаются. В рыбном отделе на лотке со льдом лежат свежие зеленые раки, некоторые еще живые. Вот парочка немолодая идёт мимо, и она его тянет остаться посмотреть на раков. Берёт одного, и как будто хочет засунуть своему мужу за пазуху. Муж немножко вялый, как и рак, она смеется. Грузчики ходят мимо, смотрят под ноги, некоторые тихо поют. Все какие-то страшенькие. Я иду дальше.

В отделе соков почти никого. Сколько томатных! Кто-то положил тёплую ладонь на мою спину. Я обращаюсь – это он. Тот грузчик-красавчик. Он снова белоснежно улыбается. Протягивает пакетик томатного сока с трубочкой.

- Будешь, - говорит, и как будто не спрашивает.

Я пью. Главное, не улыбаться слишком, чтобы не было видно...

- Жди меня у выхода, - говорит он и показывает рукой. И быстро уходит.

И вот я в пуховике стою у выхода. Мимо едут гружёные тележки, пенсионеры с пакетиками. Просто стою.

Мы идём по тропинке среди людей с пакетами. Мы идём к панельным многоэтажкам, у меня бьётся сердце. Я держу букетик каких-то синих цветов, таких редких, удивительных. Они нежные и живые, как и я.

Шторы, сквозь которые просвечивают узоры бледного света, я закрываю глаза, и только чувствую его рваный ритм. Он только глубоко дышит, но молчит, и я не знаю его лицо сейчас. Не останавливайся, делай это долго. Я чувствую твоё тепло сзади, ниже спины. Как давно мне там хронически холодно. Теперь у меня есть ты. Теперь я женщина. Не останавливайся, милый, не останавливайся. Нырём вместе. Делай это бесконечно. И пусть я не вижу твоего лица, но я слышу твоё дыхание. И пусть я сотру колени и локти - как давно я их не натирала. Как хорошо, как хорошо, как хорошо, милый, давай, давай, давай... Он застонал и замер, отвалился. Несколько картонных коробок, набитых вещами, на полу пустые бутылки из-под дорогого коньяка. Теперь я могу рассмотреть его лицо. Он закрыл глаза. Волосы прилипли ко лбу. Брюнет, как Морис Мустангер.

- А меня Валя зовут.

- Ты молодец, Валя, - говорит он.

- А как тебя зовут?

- А ты красивая, беззубая, - он засыпает.

Стыдно. Стыдно, у кого видно. Стыдно, когда тебе тринадцать, писать любовные письма старшему брату своей подруги. Стыдно обоссаться, когда тебе пять. Стыдно жить хорошо. Цены дерут – совсем стыд потеряли. Стыдно, когда твой дневник читают. Стыдно, что такой бардак в квартире. Стыдно передавать свой дефектные гены детям. Стыдно, что складки жировые. Стыдно, когда при тебе куриные кости складывают в пепельницу. Стыдно болеть. Стыдно за свою маленькую пенсию. Стыдно, когда при тебе кому-нибудь хамят. Стыдно любить. Стыдно быть слабой. Я хочу купить шикарную длинную шубу, укутаться в неё, и мне не будет стыдно.

17

Вчера приходила Женя. Я по вашему совету написала ей письмо, да, вот оно. Почему, отдала ей. Она прочитала и оставила столе. Хорошо.

«Когда я родила тебя, мне было стыдно. Потому что я лежала вся мокрая и в какой-то слизи, вся насквозь мокрая от пота, и волосы свалялись от того, что было больно и приходилось двигаться от нестерпимого. Приходилось тереться от боли о простыню, чтобы убедиться, что я ещё жива, и та телега, которую я вижу внутренними глазами, та телега ещё не переехала меня, и меня не разодрали пополам, я слышала про такую пытку, и не распяли на кресте, а я чувствовала, что распинают. Было так больно, как будто распинают. И так некрасиво. Мой доктор смотрел на меня с жалостью и брезгливо, и мне было стыдно. Меня вырвало от боли, но шейка ещё не открылась, она была такая тугая, эта шейка, и я умоляла сделать мне кесарево, но кто же сделает, родишь и так. А мимо шли люди, много людей и смотрели на меня, а я лежала голая, мокрая, красная, в слезах и слизи. И когда ты всё же родилась, тебя унесли от меня, и я лежала как чемпион, у которого из-под носа унесли его золотую медаль, и как будто сказали: ты плохо старалась. Твой рекорд фальшивый. Ты недостойна. Я плакала, и всем было плевать на мои слёзы. Что значат слёзы там, где забиты форточки и сломаны детские весы. Нам бросали котлеты прямо в тарелки с

супом, чтобы меньше мыть посуды, и на всякий случай хамили. Быть женщиной стыдно. Быть женщиной – это всё время сжиматься от стыда.

Женя моя, Женя. Когда ты была ещё крошечная, у меня пропало молоко, и бабушка моя жевала печенье и давала тебе. Хотя я оставляла вам «Малютку». Была такая смесь пополам с сахаром. От неё ты стала такая толстая, все радовались. Пухлый улыбчивый младенец - это же радость».

Она сидела передо мной такая худая и острая. И рылась своим телефоном.

- Женя, будешь «Ласточку»? - спрашиваю я.

Накрытый скатертью кухонный стол, я достала бабушкин сервис, такие фарфоровые чашки с позолотой, «Дулево». Дедушка не пил из них больше, когда она умерла.

- Как Денис? - спрашиваю.

Говорит, что давно расстались. Как странно. Почему ты не говорила, доча? Ты просишь, чтобы я не называла тебя дочей, тебе тридцать лет. Хорошо, доча. Я помню, что тебе тридцать лет. Помнишь, тебе было пятнадцать, и ты сказала, что я плохая мать? Что я отвратительная мать и что ты меня ненавидишь? Скажи, что-то изменилось за пятнадцать лет?

- Я хочу начать своё дело, - говорит, - Мне нужны деньги.

Доча, давая я позвоню твоему папе, хочешь? На кладбище начинается много новых дел.

- Я уже просила, он не даст, - говорит, - Надо продать эту квартиру.

Женечка моя, моя Женя. Правда же я выбрала тебе красивое имя? Его приятно произносить: Женя, Женечка, Женя моя. И волосы у тебя красивые такие, как у меня в молодости. Я не понимаю, о чём ты говоришь, Женя. Какую квартиру? Эту? Но где мы будем жить? В однушке? В однушке? Толик не согласится же. Какая странная идея. Да, я понимаю, у тебя новое дело. Я понимаю, моя девочка. Какие красивые у тебя зубы. И румянец появляется, когда ты кричишь. Не кричи, пожалуйста. Да, я знаю, что тебе это важно. Но, помнишь, ты уже пробовала открыть маникюрный салон, мы потом долги два года выплачивали... Да, я понимаю... Да... Женя... Да, послушай... Хочешь «Ласточку», доча? Вкусные такие конфеты! Понимаешь, однушка – это как-то мало. Много ли нам осталось? Мне всего пятьдесят семь, доча.

- И хватит мне названивать, - и уходит.

Какая вкусная «Ласточка», свежая. Вы слышите, падает снег. Кажется, скрипят качели.

18

Я продала телевизор Гале, наш хороший телевизор, который смотрит Толик. Остался мой старый, который мутный. Теперь Галя может смотреть «Дом-2» на кухне. Но Женя не берёт эти деньги, ей мало. В среду сижу в кресле стоматолога, и смотрю в окно. Не видно снег, видно только узкие полосы света между жалюзи. От стоматолога пахнет пеной после бритья. Мне нравится его уверенность в руках. Толик, конечно, взбесился. Это же его телевизор. Рвал и метал. Он охранником работал, чтобы телевизор этот купить.

- Я – русский офицер! - орал.

Да, Толик, я понимаю. Ты – русский офицер. Командовал и всё такое. А теперь у тебя песок и маленькая пенсия, да ещё плесень внутри. Но мне нужны зубы, Толик, мне очень нужны зубы. Знаешь почему? Потому что я не хочу умирать. Мне всего лишь пятьдесят семь, и я не собираюсь умирать.

Мне снилось, что я как-то не так управилась с автоматом по производству газводы, из-за этого в небо полетела ртуть и пролился ртутный дождь на моего отца, из-за этого мама на меня зла и требует извинений, из-за этого я пытаюсь доказать, что не факт, что дождь был ртутный, и не факт, что я – причина ртути. Вчера он закрыл

глаза, улыбается. Я тоже улыбаюсь. Лежу в постели и приглаживаю вихры своего Мориса Мустангера. Я могу теперь улыбаться широко, вы видите. Красиво же получилось, да? Ему тоже нравится. У него красивый нос.

- А хочешь, подстригу тебя? - спрашиваю я.

- А хочешь ананасов? - спрашивает он.

Стол на кухне завален ананасами, манго, грушами и копчёной колбасой. Ещё бутылка коньяка и россыпи конфет. Я нахожу «Ласточку».

Понимаете, я его люблю. Мне нравится лежать с ним в темноте и влажности, прорасти друг в друга, как картошка. Такое влажное тёплое проращивание в тишине, такой раствор счастья. И воздух густой с ним, а без него – пусто и не хватает его молекул. Я их люблю - его молекулы. Он двигается во сне, и я сразу просыпаюсь, пунктиром сны. Я чувствую его. Когда ему грустно, и когда ему радостно. Я варю ему суп, пришиваю пуговицы. И собираю его прикосновения. У меня в крови пузырьки, как в шампанском, когда я собираю его прикосновения. Любимый мой, мой любимый. Я всё сделаю для тебя, я хочу, чтобы ты был счастлив.

19

Здравствуйте. Я Валя, анонимный алкоголик. Здравствуйте, да. Нет, не пью. В завязке. Уже две недели. О себе? Ну что. Я пенсионерка. Ещё? Боюсь сорваться. Последний случай? Водку пила. Водочку. Корвалол. Он на спирту. Потом неделю в себя приходила. Всё внутри трясётся. Сердце выскакивает. Красная рожа. Ладони потеют. Давление. Ещё поджелудочная, печень. Под капельницей лежала. В общем, нет здоровья пить. Нет здоровья. Но боюсь, вдруг опять запью. Понимаете, стресс. Да, стресс. Стресс. Сосед попался противный сверху. Меня терроризирует. Но не хочу об этом, а то опять давление. Сосед, в общем, козёл. Понимаете, есть такие люди – уроды. Есть такие люди. Козлы. Вообще, среди мужчин много таких попадается. Уродов. Козлов. Вы слышали, тут случай был: девушка нечаянно подрезала одного, так он потом её догонял и пять раз подрезал, она там чуть не поседела вся. Ещё орал на неё на светофорах, матом крыл. Мужчина девушку, да. Такие скоты попадают. Или про эту, альпинистку. Слышали? Эльвира, как её? Эльвира. Ну помните? Нет, не помните. Ну конечно, она же женщина.

Я снова пошла в супермаркет. Иду, прогуливаюсь мимо шампуней. Пуховик свернула, иду в синем платье своём. Такие красивые упаковки. Девушка с хорошими волосами выбирает шампунь, а паренёк слегка отвлекает её, целует, обнимает – они такие красивые оба. Я пошла в рыбный отдел. Иду и улыбаюсь. Вот он. Вот он, мой любимый, идёт.

- Иди в собачий корм, - говорит.

Ладно. Зачем? Не сказал, ушёл. В собачьем корме не бываю, терпеть не могу. Вонь страшная. Народу мало. Вот он идёт, какая-то коробка в руках. Улыбаюсь. Теперь-то все зубы у меня. Какая красивая моя улыбка для него, всё для него. Ты видишь, любимый – всё для тебя!

- Ты чего пуховик сняла? - говорит.

Такой заботливый. Для тебя, любимый, ты видишь, какое платье, ты же видишь.

- Засунешь в рукава две бутылки, коньяк. Тут в коробке. Пойдешь к 15 кассе, запомнила? Потом мне его отнесешь, вот ключ от хаты, - говорит, и даёт мне ключ.

Ты шутишь, любимый? Как это?

- Пора работать, - говорит.

Я улыбаюсь. Такой яркий свет там, никогда не знаешь, какое время суток. Всегда яркий электрический свет.

- Не бойся, там кассирша своя, - говорит. И поправляет прядь моих волос.

Я надеваю пуховик, он улыбается мне ласково.

- Молодца, - уходит.

Очередь движется медленно. Передо мной тонконогая выкладывает на ленту коробки шоколадных конфет, и леденцовый сахар дорогуший, и кофе хороший. А в то же время, дешёвые мужские носки. Парадокс. У меня с собой молоко, два пакета. Рядом стоят охранники, один, видно, опытный, глаза прожигают. Второй простоват, и не глядит по сторонам, что-то всё втирает первому. Тот, опытный, как будто на меня всё смотрит. На соседней кассе бабушка, тоже молоко у неё. Заныло в солнечном сплетении. Жарко. Тяжёлые бутылки в рукавах. Засунула руки в карманы. А ведь могут и выпасть. Жарко. Но расстегнуться не могу. Не вытираю пот со лба, чтобы не выронить бутылку. Тот охранник так и прожигает меня насквозь. Ты видишь, мне уже жарко, ну что ты пялишься на меня?

- Женщина, вам плохо? - нет, не мне, это кассирша с соседней кассы громко говорит той бабушке с молоком, - Женщина, вам плохо, скорую!

Что случилось? Бабушка поворачивается и я вижу её лицо – по щекам бежит струя крови. Она пытается вытереть, но только размазывает, она испугана. Охранники подошли к ним, что-то говорят, вдруг опытный срывает со старушки шапку – из неё падает пакет с фаршем. Люди ахают.

- Воровка! - качает головой какая-то женщина.

Охранники крепко берут бабушку под руки и куда-то ведут. Кассирша брезгливо улыбается. Зачем-то вытирает тряпкой ленту. Я забираю своё молоко и быстро ухожу от кассы. По моему лицу тоже бежит, но не кровь – пот. Я не вытираю его, чтобы не выронить бутылку, я почти бегу. Вот он, рыбный отдел. Где ты? Где ты? Я не могу, заberi. Не могу.

- Заткнись. Жди меня там же, - говорит он.

Рядом маячат охранники. Сейчас нас схватят. Быстро иду в собачий корм, вытаскиваю коньяк из рукавов, ставлю на полку. Вот идёт он, лицо другое, злое.

- Ну и вали отсюда. Старуха. Чё тебе надо от меня? Ключ гони, корова!

И слегка толкает меня в плечо. Очень яркий свет там. Очень яркий свет, и не спрятать лицо. Яркие пятна красные – скидки, распродажи. И как будто пахнет весной. И как будто я иду на каблуках и в таком платье шёлковом голубом, у меня было такое раньше, полусолнце, и я такая загорелая, волосы длинные, молодая, иду и все улыбаются мне. И какой-то парень обнимает меня, и целует в губы. «Я люблю тебя», - говорит он и берёт за руку, и ведёт куда-то, куда-то мимо этих ярких пятен, куда-то, где ещё светлее, и дует тёплым ветром, и пахнет шоколадными конфетами.

Пахнет водкой. Я просыпаюсь, наливаю себе водки, немножко отпиваю, кашляю. Тошнит. Тошнит. Такая тяжесть в теле. Я слышу, как Толик разговаривает по телефону:

- Я её в ЛТП сдам, поняла! Она телевизор продала! Мой! Бухает уже неделю! Я сказал, приезжай разговаривай с матерью! ... Сама ты пошла!

- Ха-ха! Послали, послали тебя, бздун!

Он хватает меня и куда-то тащит. Всё это смешно! Ха-ха! Он тащит меня как куль с картошкой. Ха-ха! Как куль с картошкой! Да стой ты! Да подожди ты! Мне холодно! Ха-ха! Я Босиком! По морозу босиком к милому ходила! Ха-ха! Толик! Тебе надо пить водку! Водка убивает плесень! Ты слышишь? Убивает плесень! Я бегаю по снегу босиком и в одной футболке и трусах! Люди! Ха-ха! Вы видели?! Это цирк! Соседи, это цирк! Эй, сосед! Я там нахаркала тебе под дверью – один-один! Ха-ха! Он выгнал меня на мороз! Толик! Эй, Толик! Я вижу тебя! Ты там сидишь как в тюрьме за этой решёткой! Иди сюда! Поиграем в снежки!

Тепло пошло по позвоночнику. Тихо так. Звук бьётся об стены, поэтому я молчу. Слышно только плескание воды. Толик моет мне голову. Люблю горячую воду. Сажу в ванне и улетаю куда-то. Запах такой хороший у этого шампуня. Помнишь, я купала тебя, доча? Я ставила тебе доску поперёк ванны, и туда разные игрушки – уточки, лягушки рязиновые, лодочки. И делала тебе пену – много-много. Ты заворачивалась в пену с головой, и в игру тоже, а я стояла за дверью и слушала,

как ты играешь, какие миры разворачиваются там у тебя, в нашей маленькой ванне. А потом я несла тебя, такую тёплую, душистую, и это была самая любимая тяжесть моя. Моё тело помнит это – тебя в полотенце у меня на руках. Тебя, помнит тебя. Помнит твою тяжесть. Твою-мою тяжесть.

Мы лежим под одеялом, я и Толик, он одел меня в свою пижаму. Мы лежим под одеялом, обнявшись. Он дышит мне в шею, чтобы я не замёрзла. Такое влажное тепло. И тёплые слёзы бегут по какой-то щеке. Может, это просто вода с мокрых волос. А может, это его щека, а не моя. Он пошевелился, и я проснулась. Сны пунктиром. Мне снилось, что я иду по супермаркету.

- Участвуйте в лотерее, - говорит уставшая кассирша и выдает запечатанный купон, - наш супермаркет проводит мгновенную лотерею.

Я распечатываю купон: «Ты выиграла телевизор». На нём написано: «Ты выиграла телевизор».

КОНЕЦ